

Порожецкие

В числе обвиняемых по делу тихвинских священнослужителей в январе 1931 года был дьякон Владимир Петрович Порожецкий. Основную информацию об этом человеке нам предоставила его внучка – Ирина Анатольевна Порожецкая.

Фамилия, которую носили Порожецкие, произошла, скорее всего, от названия села Порожки (ныне Волотовский район Новгородской области), в котором на Порожецком (Порожском) погосте в храме Благовещения Пресвятой Богородицы в 1861 г. был заштатным дьяконом Максим Иоаннович Порожецкий (1814 – п.1861). Его отец тоже был дьяконом и, возможно, служил в этой же церкви. А его сын, Петр Максимович Порожецкий – отец Владимира, уехал со своей малой родины. Известно, что в 1882 г. он исполнял должность псаломщика при Новгородской Дмитриевской церкви.

У Петра Порожецкого было пять сыновей и три дочери. Все сыновья избрали путь служения Богу и тоже стали дьяконами. Степан служил в д. Бабино Боровичского уезда, Павел – в Никольском соборе Новгорода, Иван – в церкви на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге, Константин – в селе Крылово Осинского района Пермской губернии.

Владимира судьба привел в Тихвин. Жизнь каждого из сыновей в годы советской власти складывалась непросто. Известно, что трое из них подверглись репрессиям.

Владимир Петрович Порожецкий родился в 1885 году в Новгороде. В юности он задумывался о том, чтобы избрать иноческий путь и стать монахом. Поэтому после окончания земской школы и двух классов Новгородского духовного училища он поступил послушником в один из монастырей Новгородской епархии, где в течение нескольких лет исполнял разные послушания – выполнял те или иные работы в храме и по монастырскому хозяйству. Но в 1906 г. он, видимо, был призван на военную службу и пошел служить во флот. Его морская служба продолжалась семь лет, условия ее были очень тяжелыми. На флоте Владимир подорвал свое здоровье и, вернувшись в 1913 году домой, целый год болел.

В 1914 году началась Первая мировая война, и, несмотря на состояние здоровья, Владимира в тот же год призвали на фронт. Поскольку он был человеком грамотным, способен быстро осваивать технику, новые формы ведения боевых действий, требовавшие инициативы, то был назначен командиром артиллерийского отряда. В действующей армии он пробыл до 1917 года.

Вернувшись с фронта, он поселился в селе Голино, где стал работать заместителем начальника лесозаготовок. Село располагалось в одном из красивейших уголков Новгородской губернии – при впадении реки Шелонь в озеро Ильмень. До Новгорода было 40 верст, до ближайшей железнодорожной станции – восемь. В селе проживало более тысячи человек, которые занимались главным образом земледелием, подсобные занятия – рыбная ловля и торговля, а также горшечный промысел. В Голино имелись 4 горшечных завода, 3 мелочных лавки, земская школа и очень красивая Петропавловская церковь с высокой колокольней и пятью позолоченными куполами-луковками. Село было богатым, почти все избы с мезонинами и украшались ажурной резьбой.

Там Владимир познакомился с учительницей земской школы Анной Васильевной Богдановой. Анна в 1904 г. окончила Деревяницкое епархиальное женское училище, дававшее девочкам прекрасное образование. В училище преподавали Закон Божий, русский и церковно-славянский язык, арифметику, геометрию, географию, церковную историю, гражданскую историю, физику, педагогику, церковное пение, рукоделие, хозяйство. На уроках русского языка, помимо изучения грамматики и основных правил русского языка, чтения и пересказа, девочки писали сочинения, размышления, письма и описания. Воспитанницы вели наблюдение за детьми, изучали основы обучения, физического воспитания, ухода за больными. Проводились практические занятия. При училище существовала образцовая церковно-приходская школа, на базе которой была организована педагогическая практика.

Видимо, Владимир Петрович был незаурядным, интересным и достойным человеком, если Анна Васильевна решила связать с ним свою судьбу. Им обоим было уже за тридцать, и они обдуманно приняли решение о браке.

В 1918 г. в семье родилась дочь Зоя, а в 1920 г. – сын Анатолий. Время было тяже-

лое и голодное. Владимир Петрович сначала служил в железнодорожной охране, а с 1920 по 1922 г. работал учителем в школе.

Но в 1922 году, когда в советской России набирали силу антирелигиозная пропаганда и гонения на священно- и церковнослужителей, когда из храмов изымались церковные ценности, он вдруг принимает непростое решение – начать служение в голинском храме апостолов Петра и Павла.

Это решение тут же отразилось на судьбе семьи: Анну Васильевну как жену служителя культа уволили из школы. 10 лет прожили Порожецкие в Голино.

В 1928 году семья переехала в Тихвин, и Владимир Петрович стал служить дьяконом в кладбищенской церкви Иова Многострадального.

И он, и его жена были лишены избирательных, а значит, по сути, и всех гражданских прав. Родственников в Тихвине у них не было. В списке лишенных прав на 1930 г. указан адрес, по которому они проживали: улица Римского-Корсакова, дом 30. Дом по этому адресу принадлежал священнику Василию Войку. Приютил ли он Порожецких, снимали ли они у него комнату или просто были прописаны, пока неизвестно.

В школе работать Анне Васильевне не разрешили. Чтобы уберечь от преследований детей, учившихся в фабрично-заводской семилетке, в 1929 году Порожецкие официально развелись, но продолжали жить вместе. В 1930 году Анна Васильевна устроилась работать сторожем на Тихвинское городское кладбище. Получала она за свою работу 30 рублей в месяц. Видимо, именно с этого времени у семьи появилась своя крыша над головой – они стали жить в сторожке.

Тучи над головой продолжали сгущаться. Детей решили отправить на некоторое время к родственникам в Ленинград.

Причт церкви Иова Многострадального и ее прихожане с весны 1930 г. стали притесняться иосифлянского течения, которое власти рассценивали как враждебное советскому строю. Во время богослужений упоминалось имя опального в то время митрополита Иосифа (Петровых), а не митрополита Сергея (Страгородского), призывавшего верующих к лояльному отношению к советской власти. В храме, в котором служили священник Василий Войк, иеромонах Пимен (Бутылкин), дьякон Владимир Порожецкий и, по праздникам, заштатный протоиерей Николай Васильевский, возносились молитвы за церковных иерархов, которые находились в концлагерях. Это не могло пройти для священнослужителей бесследно и остаться безнаказанным.

Поздним вечером 14 января 1931 года в кладбищенской сторожке, где проживал дьякон Владимир Порожецкий, был произведен обыск. Искали оружие, антисоветскую литературу. Хотя ничего не нашли, его арестовали и заключили в Тихвинский Домзак. Врач при медицинском осмотре поставил диагноз: нервное расстройство, падучая болезнь, грыжа – и рекомендовал ему легкий физический труд. В тот же день был арестован священник Василий Войк. Протоиерей Николай Васильевский к тому времени находился в тюрьме уже неделю. Через три недели арестуют и иеромонаха Пимена (Бутылкина), последнего из священников, служивших в Иовской церкви.

Предположительно, Владимир Порожецкий, его мать и его жена Анна Васильевна.

10 февраля 1931 года тройка ПП ОГПУ в ЛВО постановила заключить Владимира Петровича Порожецкого на пять лет в концлагерь (СЛАГ г. Кемь), считая срок с 14 января 1931 года. 18 февраля его в числе еще 7 заключенных отправили из Тихвинской тюрьмы на станцию Званка, отсюда – на Кемский пересыльный пункт (КПП).

То, с чем сталкивался там вновь прибывший заключенный, описал А.И. Солженицын: «Это – пересылка в Кемь, унылый, без деревца, без кустика, Попов остров, соединенный дамбой с матерком. Первое, что он видит в этом голом, грязном загоне – карантинную роту (заключенных тогда сводили в «роты»), еще не была открыта «бригада», одетую... в мешки! – в обыкновенные мешки: ноги выходят вниз как из-под юбки, а для головы и рук делаются дырки (ведь и придумать нельзя, но чего не одолеет русская смекалка!). Этого-то мешка новичок избежит, пока у него есть своя одежда, но еще и мешков как следует не рассмотрев, он увидит легендарного ротмистра Курилку.

Курилка (или Белобородов ему на замену) выходит к этапной колонне тоже в длинной чекистской шинели с устрашающими черными обшлагами, которые дико выглядят на старом русском солдатском сукне – как предвещение смерти. Он вскакивает на бочку или другую подходящую подмость и обращается к прибывшим с неожиданной пронзительной яростью: «Э-э-эй! Внима-ни-е! Здесь ресгублика не со-вец-ка-я, а соловец-ка-я! Усвойте! – нога прокурора еще не ступала на соловецкую землю! – и не ступит! Знайте! – вы присланы сюда НЕ для исправления! Горбатого не исправиль! Порядочек будет у нас такой: скажу «встать» – встанешь, скажу «лечь» – ляжешь! Письма писать домой так: жив, здоров, всем доволен! точка!...»

В аду Соловецких концлагерей дьякону Владимиру Порожецкому довелось провести один год и восемь месяцев. 4 ноября 1932 года на судебном заседании Коллегии ОГПУ было вынесено постановление: «Порожецкого Владимира Петровича досрочно освободить, лишив права проживания в 12 п. Уральской области и местности, из которой был выслан, на оставшийся срок».

Анна Васильевна и дети все годы заклю-

Церковь Иова Многострадального.

чения и ссылки поддерживали его, писали письма, посылали фотографии, которые он бережно сохранил. Семья в это время продолжала жить в кладбищенской сторожке, поскольку Анна Васильевна по-прежнему работала сторожем на кладбище. Хотя в списке лиценз прав на 1933 г. адрес местожительства А.В. Порожецкой-Богдановой вновь указан как «ул. Римского-Корсакова, д. 30», возможно, что прописываться по месту фактического проживания в сторожке было нельзя.

В 1936 году В.П. Порожецкий вернулся из ссылки домой, в ту же кладбищенскую сторожку. Здоровье его было окончательно подорвано. 16 марта 1938 года он умер от воспаления почек. Анна Васильевна похоронила его прямо под окном сторожки.

Владимир Петрович пострадал в годы репрессий безосновательно – 3 октября 1989 года его внучке Ирине выдадут справку о его реабилитации.

Храм Иова Многострадального был закрыт в Тихвине самым последним. Когда В.П. Порожецкий вернулся домой, он был еще действующим. Служил ли он в нем после возвращения из ссылки, мы не знаем. Известно лишь, что Порожецкие оставались глубоко верующими людьми.

Анна Васильевна прожила в сторожке до 1954-1955 года. Церковь к тому времени уже была закрыта, но на кладбище оставалась маленькая деревянная часовенка, в полумраке которой перед иконой всегда горела лампадка. Огонек в ней поддерживала Анна Васильевна...

Когда Анне Васильевне было уже около 70 лет, она вместе с дочкой Зоей переехала из сторожки на съёмную квартиру на улице Римского-Корсакова, а затем им дали маленькую однокомнатную квартиру в большом деревянном доме на улице Советской. До последнего, пока хватало сил, Анна Васильевна прислуживала в церкви Крылечко. Скончалась она в 84 года и похоронена рядом с мужем и своим отцом. Сторожки давно нет, а могилы остались на своем месте.

Дочь Владимира Петровича и Анны Васильевны, Зоя Владимировна Порожецкая, в 1935 г. окончила 9 классов школы и поступила на краткосрочные педагогические курсы в Череповце. В школе она смогла поработать только 2 года, затем ее уволили из-за социального происхождения и отцовской судимости. После этого она до выхода на пенсию работала сначала бухгалтером, а затем заместителем главного бухгалтера Тихвинской конторы Леноблторга.

Сын Анатолий Владимирович Порожецкий после окончания 7 классов поступил в школу фабрично-заводского обучения (ФЗО), где получил специальность токаря. В 1940 г. был призван в ряды Красной армии – как и отец, он служил на флоте. В годы Великой Отечественной войны – старший матрос-диометрист в зенитном дивизионе ПВО Краснознаменного Балтийского флота, был ранен. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией 1941-1945г.», благодарственной грамотой «За отличные боевые действия при форсировании реки Свирь». После войны работал токарем на разных предприятиях в Тихвине, имел трудовые награды. На пенсию вышел только в 73 года по состоянию здоровья.

Женат он был на Тамаре Анатольевне (в девичестве Полетаевой) – внучке дьякона Знаменской церкви Тихвина Александра Федоровича Полетаева. Вместе они вырастили двух дочерей, Ирину и Галину, и помогали в воспитании внучки Марины.

Сыновей Бог не дал, но их дочери, внучки дьякона Владимира Петровича Порожецкого, сохранили его фамилию. Ее носят не только они, но и его правнучка Марина, а также ее дети – Александр и Эльвира.

Светлана Старшина.

Анатолий Владимирович и Тамара Анатольевна Порожецкие.